

**ПИСЬМА МАРТЕ БЕРНАЙС
ИЗ ПАРИЖА И БЕРЛИНА
(ОКТЯБРЬ 1885 – МАРТ 1886)**

| 1 |

Париж, 19 октября 1885 г.

Любимое мое сокровище

Сегодня моя ленивая жизнь могла бы закончиться. Я был в Сальпетриере^[1], который, пожалуй, так же велик и имеет столько же дворов, как и наша больница^[2], чтобы представиться ассистенту и спросить, когда придет Шарко^[3]. Но ассистента не было, его вообще уже заменили новым, а Шарко был в палатах. Я мог бы пойти туда, но оставил дома свои бумаги, и потому этот шаг, от которого снова многое зависит, я должен сделать завтра. В половине десятого consultation externe, это значит прием амбулаторных больных. Значит, может быть, уже завтра мой день будет занят работой. В Ecole de Médecine^[4] лекции начинаются только с 5 ноября, но если мне понравится у Шарко, мне едва ли будет там чем заняться. На первом этаже Ecole de Médecine находится врачебная библиотека, в которой много журналов, также немецких и английских, и в ней я, пожалуй, тоже проведу много часов.

Одну из книг Шарко^[5], которая уже есть у меня на немецком, я купил за четыре франка на французском, чтобы извлечь для себя пользу при переводе с немецкого на французский. Моя лень меня уже сжигает, в последние дни у меня не было ни одного спокойного часа из-за постоянных самоупреков. Мои ожидания какой-либо иной выгоды, кроме субъективной и научной, столь малы, что здесь меня не может постичь разочарование.

Я уже почти не помню, что делал вчера. У меня была мигрень с семнадцатого числа после театрального вечера^[6]. Ты должна знать, они играют с восемью до двенадцати ночи! в просто невозможной жаре. Я был с Джоном^[7], место по самой низкой цене (а значит, самое высокое) стоит один франк, у нас были билеты за один франк пятьдесят, quatrième loge de côté^[8], действительно позорные ложи, похожие на голубиные норки, сбоку на последней галерее, где, правда, сознаешь, что ты один, но не многим больше. Вспомни только наш театральный вечер в Гамбурге^[9]. Мне бросилось в глаза, что совсем не выставлялись дамские туалеты, наверное, их берегут для оперы. Нет музыки, нет оркестра, знак для начала пьесы — три удара молотком за занавесом. Давали «Le Mariage forcé»^[10], «Tartuffe»^[11] и «Les précieuses ridicules»^[12] — все Мольера^[13], и хотя я совсем не понимал женщин, мужчин же лишь наполовину, я все же получил большое наслаждение от блестящей игры. «Tartuffe» я знал, а в последней пьесе примечательным был не столько диалог, сколько комичная игра обоих Кокленов^[14]. На «Tartuffe» после каждой более длинной речи диалога хлопали. Моя мигрень несколько отпугнула меня от частого повторения походов в театр, я хотел использовать их как уроки французского, ведь со мною же никто не разговаривает, и эти жалкие звуки, кажется, с каждым днем даются мне все хуже. Думаю, я не обманываю себя, уже сейчас говоря, что никогда не смогу добиться сносного «accent»^[15], но по меньшей мере научиться корректно выражаться я должен.

Дорога, описание которой я тебе остался должен, три дня назад привела меня на Quai d'Orsay^[16], где находятся министерства, и мимо Собора Инвалидов через Сену на Avenue des Champs-Élysées^[17], самую изящную область Парижа, как сказал бы Джон, в которой нет ни одного магазина и ездят только экипажи. Благородные дамы гуляют там с такими лицами, будто они отрекаются от экзистенции остального мира помимо себя и своих мужчин или

по крайней мере милостиво ее не замечают, одну сторону авеню образует вытянутый в длину парк, в котором самого милого вида дети запускают волчки, катаются на каруселях, смотрят на паяца или даже правят каретами, которые тянут козлы. На скамейках сидят кормилицы, кормящие своих детей, и няни, к которым дети с криком сбегаются при возникновении разногласий. Мне вспомнилась бедная Митци^[18], я пришел в сильную-сильную ярость и наполнился революционными мыслями. Далее я шел до Place de la Concorde^[19], посреди которой стоит настоящий обелиск из Луксора^[20]. Подумай только, подлинный обелиск, испещренный прекраснейшими птичьими головами и сидящими человечками и другими иероглифами, на добрых три тысячи лет старше этого народишка вокруг, возведенный во славу царя, имя которого теперь могут прочесть лишь немногие и которое, возможно, забылось бы, если бы его не хранил этот камень. К Place de la Concorde примыкает Тюильрийский сад, который можешь себе представить похожим на нашу Венскую площадь между двумя городскими воротами (с Фольксгартеном^[21] и обоими музеями), а затем Лувр. Да, верно, вчера я был в Musée du Louvre^[22], по меньшей мере в античном отделе, содержащем бесчисленное множество греческих и римских статуй, надгробий, надписей и развалин. Отдельные прекрасные вещи, древние боги представлены X раз, также я видел знаменитую Венеру Милосскую без рук и сделал ей принятый в этой стране комплимент. Я вспомнил, что старый Мендельсон (отец в «Семье М.»^[23]) из Парижа сообщает о ней как о новом экспонате, не изображая при этом восторга. Полагаю, красота статуи была открыта лишь позже, и с этим многое согласуется. Для меня эти вещи имеют более историческую, чем эстетическую ценность. Больше всего меня привлекли множество бюстов императоров, некоторые с отличными характеристиками. Большинство императоров представлены многократно, и при этом изображения совсем между собой не похожи. Тут много фабричной работы и много манеры.

У меня еще хватило времени, чтобы окинуть беглым взглядом ассирийский и египетский залы, которые мне придется посетить еще не раз. Тут были ассирийские цари — величиной с деревья, держащие в руках львов, словно замковых собачек, крылатые полулюди-полуживотные с красиво уложенными волосами, клинописи, такие милые, как будто их сделали вчера, яркие красочные барельефы, разрисованные в Египте, целые царские колоссы, настоящие сфинксы, мир, как в сновидении.

Сегодня я пошел той же огибающей дорогой, что и три дня назад, но в противоположном направлении Сены, где твой составленный позавчера план не был осуществлен. Я попал в самую безумную сутолоку Парижа, пробился через нее к известным бульварам и Rue de Richelieu^[24]. На Place de la République^[25] я увидел гигантскую Статую Республики с изображениями из 1789, 1792, 1830, 1848 и 1870 годов. Столь прерывистую экзистенцию имела бедняга. Вчера во Франции (и Париже) были довыборы, для которых все республиканцы объединились, поскольку на первых выборах из-за расщепления между оппортунистами и радикалами были выбраны почти сплошь монархисты. Крики продавцов газет сегодня оглушали, некоторые газеты вышли четырьмя и пятью тиражами, и я купил две таких. Довыборы сейчас, конечно, республиканские.

По нраву ли тебе мои письма из Парижа? Из-за сплошных сообщений и описаний до сердечных слов дело совсем не доходит.

Уже восемь дней, как я тебя не видел^[26], и мне по-прежнему каждый день кажется, будто сегодня я буду тебя лицезреть. Я опять даже не могу представить себе, как ты выглядишь! Не лучше ли было бы мне отправиться в Берлин^[27]? Каждую субботу вечером я уезжал бы и воскресенье был бы у тебя. Благотворное влияние времени, проведенного в Вандсбеке^[28], телесная свежесть и успокоение духа еще со мной, но я совсем не могу радоваться; для этого я слишком влюблен и слишком неповоротлив.

Из мелких новостей то, что кофе здесь везде вкусный, и что дети носят такие же блузы-рубашки, как ваши из Сан-Франциско. Представляешь, за три предмета для туалета (немного пудры, немного дегтя и полоскание для рта) я заплатил здесь три франка пятьдесят! Тут нужно уметь экономить.

Ты ничего не пишешь о делах с зубами? Пиши же мне все. Твое письмо было никак не подписано, но оно все же было от тебя, ведь кто еще может писать мне так нежно?

Твой верный Зигмунд

[1] Сальпетриер [Hôpital de la Salpêtrière] — больница в 13-м округе Парижа, основанная в XVIII веке. — Ср. описание, данное Фрейдом в Отчете о поездке: «Сальпетриер, куда я отправился прежде всего, — это обширное строение, своими одноэтажными, образующими четырехугольник домами, а также своими дворами и садами живо напоминающее Венскую общую больницу. С течением времени оно несколько раз меняло свое предназначение, на первое из которых указывает название <...>, и наконец стало домом престарелых для пожилых женщин (vieillesse femmes), дающим приют более чем для пяти тысяч персон. <...> В качестве необходимого дополнения к стационарному материалу дома престарелых в Сальпетриере было создано клиническое отделение, в котором ведется прием также нервных больных мужчин и которое формируется из работающей раз в неделю поликлиники (consultation externe). Кроме того, в распоряжение профессора невропатологии поступила лаборатория для анатомических и физиологических работ, патологический музей, ателье фотографии и гипсовых слепков, офтальмологический кабинет, электрический и гидротерапевтический институт в помещениях большого госпиталя, и тем самым ему была дана возможность гарантировать себе устойчивое сотрудничество некоторых его учеников, которым было передано руководство данными учреждениями» (Freud, 1956a [1886]. Абз. 3–4).

[2] Имеется в виду Венская общая больница. — См. цитату в прим. 1.

[3] Шарко, Жан-Мартен [Charcot, Jean-Martin] (1825–1893) — французский невролог.

[4] École de Médecine (фр.) — Медицинская школа.